Н. В. МОТРОШИЛОВА

К ПУБЛИКАЦИИ НОВЫХ ТЕКСТОВ ХАЙДЕГГЕРА

Вниманию читателей предлагается выполненный А. Денежкиным и сверенный мною перевод двух сравнительно недавно опубликованных в Германии текстов Хайдеггера. Это – «Нищета», текст доклада, прочитанного Хайдеггером 27 июня 1945 г., и одно из писем, которое Хайдеггер послал 20 августа 1927 г. своему тогдашнему ученику К. Лёвиту из шварцвальдского местечка Тодтнауберг, где находится знаменитая «хижина» Хайдеггера.

В тексте «Нищеты» есть своего рода сенсация. Как заверил меня фрайбургский философ Ф.-В. фон Херманн (издатель Собрания сочинений Хайдеггера), *единственное* во всем известном на сегодняшний день наследии великого философа *упоминание* о Вл. Соловьеве имеется только в этом тексте. О Вл. Соловьеве Хайдеггер упоминает в контексте весьма важного, хотя, увы, и очень краткого рассуждения о роли «софийного» начала в российском духе, в русском философском менталитете. Однако этот краткий текст ценен и актуален также и во многих других отношениях. Прежде всего, следует принять в расчет время, когда он был написан: июнь 1945 г. Германия только что потерпела сокрушительное поражение. Страна лежала в руинах, пребывала в состоянии послевоенной разрухи, повсеместной нищеты и военнополитической зависимости от держав-победителей, включая СССР, эту цитадель коммунизма.

Чем жить и как выжить? Этот вопрос задавали себе многие немцы. Он остро стоял и перед немецкими интеллигентами, причем ситуацию особенно болезненно переживали те, на ком, как на Хайдеггере, лежала вина за (пусть недолгое) сотрудничество с нацистами. Хайдеггер, как известно, специальной комиссией был признан виновным в таком сотрудничестве и до 1950 г. был отстранен от преподавания философии. В июне 1946 г. он был лишь в начале трудного пути к новому признанию, к возвращению в официальное научное и философское сообщество. Я сейчас не собираюсь вдаваться в подробный разбор в высшей степени сложного вопроса о том, какие уроки извлек для себя (и извлек ли их вообще) Хайдеггер из страшного двенадцатилетнего нацистского прошлого и о чем он думал, что он переживал именно летом 1945 г. Но некоторые важные моменты хайдеггеровского смысложизненного опыта именно в тексте «Нищеты» оказываются наиболее интересными.

Хайдеггер читал свой доклад в узком кругу слушателей, собравшихся в частном доме в лесу если и не тайно, то, по-видимому, без всякой рекламы. Он надеялся (о том свидетельствует приведенная в «Замечании издателя» Ф. В. фон Херманна пометка в рукописи), что причина обращения к «ключевым словам» Гёльдерлина именно «в

© Н. В. Мотрошилова, 1996

нынешний период мировой истории» слушателям его доклада (и потенциальным читателям) станет ясной из самого гёльдерлиновского изречения. Впрочем, Хайдеггер не преминул предложить своеобразное истолкование как будто бы вполне понятного парадокса-афоризма Гёльдерлина. Каждый читатель вправе развернуть в связи с фразой Гёльдерлина и истолкованием Хайдеггера свою собственную герменевтическую работу.

Я скажу о том, что мне лично представляется существенным, и не только для понимания текста Хайдеггера.

Время повсеместной послевоенной нищеты – состояния, необычного и весьма болезненного для зажиточных немецких бюргеров, – заставляло искать утешение и надежду. Профессор Мартин Хайдеггер в этот момент рекомендовал вспомнить: сконцентрировавшись на духовном, и обнищавшие люди смогут ощутить себя богатыми; как раз испытáние нищетой сильнее высвечивает силу и достоинство духовного. На время попавший в опалу и переживавший со всем народом крайнюю материальную нужду, он знал о бедности не понаслышке. Он вышел из бедной семьи ремесленника, церковного причетника; только трудом и талантом он пробивал для себя и своей семьи путь к относительной материальной обеспеченности. Но и едва обретенная материальная стабильность для Хайдеггера, как и для всего немецкого народа, была нарушена сначала несытыми «мобилизационными» годами нацизма, а потом и истинно нищим послевоенным временем. Итак, Хайдеггер по жизни хорошо знал, что такое борьба с нуждой. И поскольку дух всегда был для него способом возвыситься над нуждой и ощутить себя духовно богатым, слова Гёльдерлина он понимает как «ключевые». Теперь всей нации предстояло выжить и через богатство духовной сконцентрированности превозмочь бедность.

Всю злободневность размышлений Хайдеггера, которые сегодня кому-то могут показаться игрой словами, мне помогло понять то, что довелось увидеть в Германии в 1995 г., когда отмечалось 50-летие поражения нацизма во второй мировой войне – выставки, кадры хроники, телепередачи, книги и документы. Немцы 1995 г. открыто, ответственно и без надрыва вспоминали свое тяжелое и позорное прошлое. А все дело, я думаю, в том, что тогда, в 45-ом, и сегодня, через пятьдесят лет, они снова и снова возвышались до признания вины, покаяния своей нации. Уже в 1945 г. на смену национализму, национальной спеси пришли национальная самокритика, способность если не каждого, то очень и очень многих признать за собой вину, пережить ее и покаяться – не крикливо, надрывно (не в стиле отвратительного ритуала, ярко и даже натуралистично изображенного в «Мухах» Сартра), не обязательно на людях. Но когда нужно, они готовы покаяться и извиниться перед миром в открытую. Я полагаю, что среди главных причин, обусловивших возрождение Западной Германии буквально из пепла, разрухи и всенародной нищеты, – как раз это напряженно пережитое обновление духа, в чем-то и возвращение к искаженному нацизмом духовному процессу развития Германии в лоне мирового духа.

Парадокс, касающийся Хайдеггера, состоял в том, что сам философ как раз не был склонен к покаянию, к которому его понуждали и которо-

го от него ожидали его друзья и почитатели. Для него, человека известного и совершившего (принятием ректорства в 1933 г.) наказуемый проступок, этот процесс должен был обязательно стать *публичным* покаянием, на что Хайдеггер не мог решиться, ибо такой шаг противоречил его характеру, а возможно, и его глубоко скрываемым убеждениям.

Человеку хайдеггеровской судьбы пройти через путь покаяния было значительно труднее, чем многим рядовым немцам, не принуждаемым к унизительным публичным покаянным речам и писаниям. Но что роднило Хайдеггера и его соотечественников, так это нищета, нужда, боль унижения. В Германии многие видные деятели того времени и простые люди призывали народ к терпению в нужде, к мужественному преодолению трудностей. Часто говорилось: у нас нет другого пути и выхода; мы, немцы, сами виноваты перед собой и всем миром в случившемся. Путь назад большинству справедливо представлялся и нереалистичным, и немыслимым. Нужде, стало быть, противопоставлялась особая духовность – решимость, воля, терпение, самокритика, выдержка, дисциплина. Концентрация на духовном помогла немцам победить наследие нацизма и выбраться из нищеты. Текст Хайдеггера – один из первых, в котором была провидчески найдена эта «парадигма спасения» нации благодаря сконцентрированности на духовном. К тому же в тексте Хайдеггера величие духа и духовности, не только не попранное, но ярко оттененное именно нищетой, возвышено до метафизической ценности и отнесено не к какой-нибудь одной нации или единичной ситуации, но к человечеству и к истории, взятой в ее целостности. Хайдеггер прав, когда он высказывается в пользу весьма широкого толкования фразы Гёльдерлина: «мы» – не только немцы эпохи Гёльдерлина и/или немцы 1945 г., но также люди других эпох и наций.

И тут особенно ценно то, что Хайдеггер сам заводит разговор о России и особенностях российской духовности. Недаром же так нужное для его рассуждения выяснение того, что́ есть дух, духовность, он по сути дела начинает с «софийного» – теософского, связанного с традиционной и обновленной российской мистикой – понимания духовного. Он вполне обоснованно упоминает, – уже не только в связи с традициями, действительно, весьма популярного в русской культуре Я. Бёме, но и с влиянием Гегеля и Шеллинга, – имя Владимира Сергеевича Соловьева. Сам по себе историко-философский вопрос о том, что именно знал Хайдеггер о Соловьеве, какие сочинения последнего (или изложения сочинений) он читал, весьма интересен, но чрезвычайно сложен из-за скудости известного сегодня материала. Тем не менее проблема знаменитого поворота (Kehre) Хайдеггера к усилению онтологического начала в его философии, начавшегося с конца 40-х и 50-х годов, приобретает новый и неожиданный ракурс. Нельзя ли предположить, что хотя бы минимальное знакомство с русской философией серебряного века, – сконцентрированной на онтологизме и «софийной мистике», озабоченной темами «света Бытия», – могло оказать определенное влияние на дальнейшее движение Хайдеггера к результату, который отчасти близок российскому философствованию? Вопрос пока остается открытым.

Но что из текста «Нищеты» без сомнения явствует: Хайдеггер призывает приглядеться к той сложной и непонятной духовности, именно духовности, которая скрывалась тогда – да ведь скрывается и сегодня – за словами «русский коммунизм». «Внешняя сторона» коммунизма, будь это «грубый материализм», будь это определенная политическая сила или игра, – тоже есть, по верному определению Хайдеггера, совершенно особая духовность, связанная с традициями России и укрепленная в них.

И поскольку Россия в очередной раз беременна «российским коммунизмом», требуются глубокие, неидеологизированные размышления над ним именно как видом духовности и над его непростой связью с другими традициями русского духа.

О письме Хайдеггера к Лёвиту скажу лишь очень кратко. Оно интересно как иллюстрация к биографии обоих мыслителей. И как свидетельство того, сколь предусмотрителен Хайдеггер, когда речь идет об отношениях внутри философского университетского сообщества и когда в расчет принимаются характеры, связи, даже возможные интриги в профессорской среде, которую Хайдеггер, как известно, не жаловал. Но наиболее интересна, пожалуй, та часть письма, где Хайдеггер, раздосадованный критическими замечаниями учеников и в то же время проявляя уважение к их мнению, пытается дать разъяснения относительно «онтического обоснования философии как онтологии», т.е. относительно одного из важнейших пунктов «бытия и времени».